

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4Лит)
DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_174

Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских учёных

Флоря Борис Николаевич,

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН.
E-mail: sredveka@gmail.com

В статье показано, как видели создатели официальной историографии Великого княжества Литовского процесс образования этого большого многоэтнического восточноевропейского государства и как их взгляды о ВКЛ соотносятся с представлениями о данном историческом явлении в современном труде коллектива белорусских историков.

Цитирование: Флоря Б.Н. Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских учёных // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 174–182.

Ключевые слова

Великое княжество Литовское

Русь

Литва

Foundation of the Grand Duchy of Lithuania in its XVIth Century Official Historiography in Comparison with Modern Belarusian's Academician Views on the Subject

Florya Boris Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Medieval History Department at the Institute of Slavic Studies under the RAS.

E-mail: sredveka@gmail.com

The article presents the viewpoint of Grand Duchy of Lithuania's official historians on the process of foundation of this big and multi-ethnic state in Eastern Europe. The author compares that concept with the modern narrative, presented in the recent monograph by a group of Belarusian historians.

Citation: *Florya B.N.* Foundation of the Grand Duchy of Lithuania in its XVIth Century Official Historiography in Comparison with Modern Belarusian's Academician Views on the Subject // National Strategy Issues. 2022. No. 3 (72). P. 174–182.

Keywords

Grand Duchy of Lithuania

Rus'

Lithuania

Вопрос о том, как образовалось и функционировало Великое княжество Литовское (ВКЛ) в качестве многоэтнического государства, был и, вероятно, ещё долгое время будет предметом научных дискуссий – хотя бы потому, что о формировании ВКЛ как многоэтнического образования не сохранилось свидетельств, современных тем событиям и исходящих от литовской и восточнославянской сторон.

В дискуссиях, как представляется, явно наметился новый этап в связи с чётким и очень определённым решением соответствующих проблем, предложенным коллективом белорусских учёных в первом томе «Истории белорусской государственности»¹.

В данном научном издании указывается, что «ВКЛ являлось полиэтническим государством, в составе которого белорусский этнос оформил и осуществлял свою государственность», «этносоциальными основателями ВКЛ были белорусы (“русины”) и литовцы», «государствообразующим центром ВКЛ, его ядром на начальном этапе формирования стали белорусские земли Верхнего и Среднего Понеманья и Виленщины». Как видим, речь идёт о достаточно чётких и недвусмысленных формулировках. И именно они, а также предложенные в них решения, несомненно, будут разбираться и обсуждаться.

В настоящей статье хотелось бы рассмотреть вопрос о том, как соотносятся эти характеристики и оценки с тем образом формирования Великого княжества Литовского, который был заложен в официальной историографии данного государства.

Как известно, в первых исторических текстах, создававшихся в Великом княжестве Литовском в XV в., описание событий, связанных с ВКЛ, начиналось со смерти великого князя Гедимина и вся история формирования крупного многоэтнического восточноевропейского государства оставалась за рамками изложения.

Пробел был восполнен в первых десятилетиях XVI в. (скорее всего, в 20–30-е гг. XVI в.) – в период написания «Летописец Великого князьства Литовского и Жомойцкого», в котором читателю предложена картина образования ВКЛ. Некоторые особенности повествования указывают на то, что составителем этого текста было духовное лицо католического вероисповедания. Ряд моментов в рассказе о первых литовских князьях и их «панах-радных» позволяет сделать вывод о том, что создание произведения было результатом инициативы могущественного канцлера Великого княжества Литовского и виленского воеводы Альбрехта Гаштольда, стоявшего

¹ История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Т. I: Белорусская государственность: От истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. В.Ф. Голубев, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2018. С. 248.

в 20–30-е гг. XVI в. во главе политической элиты государства, и его родственника Павла Гольшанского, члена одного из литовских княжеских родов и католического епископа (в 1536 г. он занял виленскую кафедру)². Высокий правительственный ранг этих лиц даёт основания говорить о данном тексте как памятнике официальной историографии Великого княжества Литовского. Как представляется, именно такой его характер стал причиной того, что указанный текст лёг в основу новых повествований о ранней истории Великого княжества Литовского, создававшихся в середине XVI в.³

«Летописец...», первая редакция которого сохранилась в списке Красинского, начинается с легенды о бегстве римских аристократов и «шляхты» от гонений императора Нерона на Балтийское море. Эти люди – предки литовского народа – заселяют сначала территорию Жемайтии, а затем и собственно Литвы «по границу Латыгальскую... аж по реку Двину»⁴. Очевидно, тогда они стали соседями «русских» земель.

В это время началось нашествие Батыя, который «всю землю Рускую завоевал»⁵. Тогда правитель Жемайтии Монтовил направил за Неман войско во главе со своим сыном Скирмунтом. Скирмунт и литовские «радные паны» перешли Неман и на «красной горе» «вчинили... город и назвали его Новъгородок. И вчинил собъ князь великий в нем столецъ...». Затем он «зарубил Городен город... и нашол Берестей и Дорогичин, и Мелник от Батыя спустошоны и скажены и он тые города зарубил и почал на них княжити»⁶. Далее отмечено, что Скирмонт княжил «на Новегородце... и на вышереченых городех»⁷. Так описывается расширение власти литовских князей на территорию современной Западной Белоруссии. Её распространение происходит, когда эти земли опустошены татарами, а города разрушены, при пассивности местного населения, о котором в тексте ничего не говорится. Литовская власть создаёт там и главный центр власти и управления – Новогрудок: литовцы здесь «вчинили»

² *Ochmański J. Nad Kroniką Bychowca // Studia źródłoznawcze. T. XII. Warszawa, 1967. S. 157–158.*

³ Об этих редакциях и времени их создания см.: *Чамярыцкі В.А. Беларуска літаратура. Мінск, 1969. С. 155–161, 170–171.*

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. С. 128–129.

⁵ Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемого источника сохранены. – *Прим. авт.*

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 129.

⁷ Там же. С. 130.

город, а не «зарубили». Важно, что занятые города названы в «Летописце...» русскими.

Затем пришёл черёд Восточной Белоруссии, когда сын Скирмунта Мингайло пошёл походом «на город Полтеск и на мужи полочане», которые сами управляли своим городом «яко Великий Новгород и Псков». Мингайло «побил мужов полочан наголову... и город Полтеск возметь»⁸. Таким образом, если о местном населении Понеманья в повествовании ничего не сказано, то о полочанах прямо говорится, что они сражались с литовским войском, потерпели поражение и были завоёваны. Далее в тексте, в некотором противоречии с этой тональностью, описывается, что сын завоевавшего Полоцк Монтвила крестился «в руску веру», а потом, «будучи ему русином», возвёл в Полоцке собор Святой Софии и другие постройки. Кроме того, он «дал им, подданным своим, волности и вечно мети и в звон звонити». Появление такой темы связано не только с тем, что определённые «вольности», т.е. своеобразная автономия, сохранялись за Полоцкой землёй и в XVI в. Дело было в том, что в Полоцке существовала традиция, связывавшая полоцкие «вольности» с местной княжеской династией – Борисом Всеславичем (20-е гг. XII в.) и его потомками⁹. В летописном своде полоцкий князь – потомок Владимира – превратился в литовского князя – сына завоевателя Полоцка, который построил кафедральный собор и дал полочанам «вольности», после того как они потерпели поражение в битве с литовским войском. Тем самым источником и утверждения христианской веры, и «вольностей» его жителей становилась власть литовских завоевателей.

В последующем повествовании была затронута судьба ещё одной части современной Белоруссии – земель Полесья. Здесь рассказывается, что князь луцкий и минский Мстислав хотел изгнать новогрудского литовского князя Шварна, «хотячи его выгнати из очизны своее», но Шварн с соединённым литовским и жмудским войском «разбил наголову... всю русь», «и въскричала Русь великим голосом и с плачем, иж так окрутне вси суть побиты от безвърное литвы». Таким образом, в битве с литовским войском русская сторона, пытавшаяся напасть на литовские владения, терпит полное поражение с катастрофическими последствиями и осознаёт своё бессилие.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 130.

⁹ Об этом см.: *Флоря Б.Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 111–113.

В результате происшедшего конфликта князь Шварн «возметъ город Пинеск и Туров»¹⁰. Так бóльшая часть земель современной Белоруссии оказалась под властью литовских князей.

Однако из дальнейшего повествования следует, что на территории современной Белоруссии сохранялось по крайней мере одно самостоятельное политическое образование. В рассказе о татарском нашествии говорится, что великий князь киевский Дмитрий, спасаясь от татар, бежал на север и стал князем в Друцке, «ижь мужики мешкають без господаря»¹¹. Очевидно, он стал основателем правившей в этом центре княжеской династии.

Далее говорится, что на одного из преемников Шварна – Рынгольта – напали войска князей Святослава Киевского, Льва Владимирского и Дмитрия Друцкого. Последний присоединился к наиболее сильным русским князьям, которые захотели изгнать литовцев с русских земель. К себе в помощь князья привлекли татар. На Немане бой «был лют», и Рынгольт «князеи русских и всю силу их и орду... поразил»¹². О судьбе Дмитрия Друцкого в тексте ничего не сказано. В дальнейшем повествовании свода князья Друцкие упоминаются как владельцы этого города¹³. Вероятно, описание данных событий должно было показать читателю, как Друцкое княжество утратило свою политическую самостоятельность.

Чтобы более полно оценить особенности повествования, его следует сопоставить с рассказом о включении в состав Великого княжества Литовского украинских земель, который содержится в изложении правления великого князя Гедимины. В рукописи Красинского из-за дефекта эта часть текста отсутствует, но соответствующий фрагмент присутствует в ряде списков второй редакции памятника. Сравнение текстов показало, что во второй редакции памятник подвергался главным образом стилистической правке, поэтому можно полагать, что рассказ передаёт важнейшие особенности первой редакции.

Основная тональность повествования в рассказе о княжении Гедимины остаётся той же, что и в начальной части. Гедимину противостоят сначала войска владимири-волинского и луцкого князя, затем – соединённые силы южнорусских князей, но в этой войне они терпят полное поражение: «воиско их все побитое на местцу зостало»¹⁴.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 130.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 131.

¹³ Рассказ о восстании Михаила Глинского начала XVI в. см.: Там же. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 96, 179–180, 200.

Налицо, однако, и некоторые важные отличия. В сообщениях о том, что происходило на более северных территориях, нет каких-либо характеристик местного населения, ничего не говорится и о его контактах с новой литовской властью при вхождении в состав Великого княжества Литовского. В рассказе о княжении Гедимины местное общество представлено как достаточно сложный социальный организм, который вступает в переговоры с великим князем. Так, «князи и паны волынские» заявили, что подчиняются власти Гедимины, чтобы он «земли их не казил». После этого Гедимин поставил там своих наместников¹⁵. Очевидно, что «князи и паны» сохранили своё имущество и положение в обществе. Схожая ситуация имела место и при занятии Киевской земли. Жители Киева после месячной осады встретили Гедимины «честно» и подчинились его власти с условием, чтобы «от них отчины их не отнимал». Это условие было выполнено, поскольку и здесь становление новой власти выразилось в назначении наместника¹⁶. Местное общество выступило в определённом смысле как партнёр власти. На севере такая ситуация не наблюдалась. Правда, в летописном рассказе говорится о предоставлении полочанам «вольностей», но это акт милости со стороны литовского князя, имевший место значительное время спустя после поражения полочан в битве с литовским князем и захвата им города.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что при названных различиях в характере повествования и на севере, и на юге Восточной Европы составители летописных актов как объект действия литовских князей и войска отмечают русские «городы», русских князей и просто Русь, которая сражается с Литвой, а в рассказе о нашествии Батые Русская земля выступает как единое целое с центром («столець всея Руское земли») в Киеве.

Серединой XVI в. датируется появление новой редакции памятника, сохранившейся в ряде списков (перевод этого текста на польский язык относится к 1550 г.). Рассказ подвергся некоторым изменениям, но они коснулись не сюжета, а смены литовских героев повествования. Так, в рассказе о завоевании литовским войском территории Понеманья в качестве главы литовского войска и сына великого князя Монтвила выступал уже не Скирмунт, а Эрдивил¹⁷ – родоначальник рода Радзивиллов, члены которого к тому времени

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 95, 179, 200.

¹⁶ Там же. С. 96, 180, 200.

¹⁷ Там же. С. 174, 194.

заняли первенствующее место в политической элите Великого княжества Литовского. С такой поправкой эти рассказы воспроизводятся в летописи Рачинского¹⁸.

При оценке приведённых сообщений следует учесть одно важное обстоятельство. Исследователи разных национальных историографий и различных ориентаций сходятся в общем заключении, что данное повествование является плодом работы его составителей, говоря о событиях, не имеющих места (как, например, поход Гедимины на Волынь и Киев), или о правителях, о которых отсутствуют какие-либо сведения в более ранних источниках. Не зависящие от старых традиций составители повествования могли свободно создавать такой образ прошлого, какой желали видеть заказчики. Интересно сопоставить этот образ прошлого с тем представлением о нём, которое сформулировано в первом томе «Истории белорусской государственности».

В тезисах отмечено, что «государствообразующим центром ВКЛ... стали белорусские земли Верхнего и Среднего Понеманья и Виленщины». В образе прошлого текстов XVI в. в качестве государствообразующего центра выступают земли Литвы и Жемайтии. «Белорусские земли» занимает литовское войско при полной пассивности местного населения, подчиняющегося новой власти. Другие земли будущей Белоруссии просто завоёвываются литовским войском. Неоднократно подчёркивается преимущество литовского войска перед русскими войсками и русскими князьями. Русины, «русь» в рассказе о северных восточнославянских землях Великого княжества не выступают в качестве некоего партнёра, добившегося от литовских князей признания каких-либо своих интересов. «Вольности», полученные полочанами, – акт «милости» литовского князя, а не результат тех или иных действий полочан. Роль такого партнёра, хотя и не вполне равноправного, играет только население южных земель Великого княжества Литовского.

Разумеется, невозможно утверждать, что повествование официальных летописей Великого княжества Литовского отражает реальные исторические события XIII–XIV вв. Однако зафиксированный здесь и распространявшийся позднее образ прошлого как завоевания белорусских земель литовским войском является несомненным фактом общественного сознания наиболее верхнего, влиятельного слоя политической элиты Великого княжества Литовского. Как это было возможно в условиях, когда в Великом княжестве Литовском «белорусский этнос оформил и осуществлял свою государственность»?

¹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. С. 146.

Список литературы

1. История белорусской государственности: В 5 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; гл. ред. А.А. Коваленя. Т. I: Белорусская государственность: От истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. В.Ф. Голубев, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2018. 600 с.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.
3. *Флоря Б.Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 110–116.
4. *Чамярыцкі В.А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. 192 с.
5. *Ochmański J.* Nad Kroniką Bychowca // Studia źródłoznawcze. T. XII. Warszawa, 1967. S. 155–163.